ИВАН БУРКИН

РУКОЙ НЕБРЕЖНОЙ

ИВАН БУРКИН

РУКОЙ НЕБРЕЖНОЙ

1972

Cover design by Stephen Bretschneider

Manufactured: I. Baschkirzew Buchdruckerei,
8 München 50, Peter-Müller-Str. 43.

Printed in Germany

МЕЧТЫ НА МАНЕВРАХ

1. Поэтическая

Осторожно с поэтами!
Это пишущий класс.
Потому и поэтому
У них голос — не глас.

Поверните внимание:
Вот шагает поэт.
Есть в шагах аномалия,
Но в улыбке привет.

Мчатся шляпы-кораблики.
Бродит шапочный сад.
Эти лица как яблоки
Ненадежно висят.

К этим лицам подвешены
Голубые огни.
К этим стенам подмешаны
Окна, двери, углы . . .

В окнах празднуют призраки,
Красотой шелестят.
В этом городе изредка
Мои звезды гостят.

Звезды вянут как ландыши
В перекличке огней.
Всюду щупальцы лампочек,
Кулаки фонарей.

Всюду рыщут известия.
В неизбежной дали
Завязались в созвездия
Фонарей кандалы.

Вечер явно изысканный.
Волны юбок и брюк.
С драгоценными искрами
Пальцы тающих рук.

Мутной модой разбуженный,
Извиваясь у брюк,
Торжествует распущенный
Раскудрявый каблук.

На рубашке-истерике
Галстук как паразит;
Иссушил он Америку
И России грозит.

Но судьба не грамматика.
Может, встретишься ты?
Пусть меня повнимательней
Очаруют черты.

Выражаясь же образно,
Говоря мастерски,
Пусть терзают все отрасли
Красоты и тоски.

Твои руки как пошлины.
Как мне их объяснить?
Пусть над взорами прошлыми
Бьют фонтаны ресниц.

Эти волны у талии!
Их отлив и прибой.
Я люблю нарастание
Этой тьмы голубой.

Как рискуют подробности!
Как мне их обуздать?
Ахнуть что ли от робости
Иль пока опоздать?

Ах, какой я неопытный!
Почему я такой?
Вечно дрязги и хлопоты
С этой правой рукой.

Вечно рукопожатия
При закрытых глазах.
А потом обязательный
Или стих, или страх.

Две звезды на прощание
Протянули мне свет.
Две звезды обещали мне
Появиться на свет.

2. *Романтическая*

На далекую родину
Набежала луна —
Не луна а пародия
Не страна, а длина . . .

Не страна, а мальчишеский
Нескончаемый бред . . .
Льет луна романтически
Крокодиловый свет

На Европу, на Азию . . .
В этот лунный прибой
На заре безобразия
Мы столкнулись с тобой.

Дуют ветры истории
В окна песни твоей,
А в меня траектории
Твоих черных бровей.

Дует снов эпидемия.
Ты уверена: мы
Отразим нападение
Потревоженной тьмы.

Этой тьмы репетиция!
Не заметила ты,
Как безумными птицами
Расцветают цветы.

Эти розы как копии
Обезумевших птиц.
Из какой это оперы —
Эта тьма и стрип-тиз?

И куда рвется пение?
Ты согласна со мной:
Мы столкнулись с империей —
С государственной тьмой?

Где же мы? На окраине
Или в сердце той мглы,
Где давно и неправильно
Все дороги легли?

Кто живет за фиалками
Этих модных очков?
Что нам делать с пиявками
Этих хитрых зрачков?

3. Фантастическая

Город в дымке сиреневой.
Мы сейчас поглядим,
Как пыхтит население,
Причесав синий дым.

Мы посмотрим, как движется
Наше время вперед —
Оно, может быть, пыжится
Словно в печке пирог;

Как ханжа или сплетница
Словно мусор иль яд
Из окна или с лестницы
Гневно выплеснет взгляд.

Чей-то взгляд из двух бубликов
Никого не щадит,
И из зарослей публики
Бьет струя нищеты.

Серый взгляд из двух раковин,
Белый блеск изо рта,
Синий блеск над бараками,
И мы входим в квартал.

На улыбку помятую
Лезет взгляд из двух блюд;
На улыбку из мантии
Лезет взгляд как верблюд.

Небо вышло с помарками.
Утро как черновик
И ошибками яркими
Обмануть норовит.

Раздвигается улица,
И, приняв строгий вид,
Открывается умница —
Очень умный — как винт.

В мир милейшей материи
Он нацелил свой вид
И мечты словно дерево
Он глазами сверлит.

Вот лавирует лавочка,
Ей мешает музей.
И куда эта лампочка
Провожает мужей?

На просторы, на пряники
Округляются рты.
Наполняются паникой
Чувства, черти, черты.

Опоздав в геометрию,
Но послав ей привет,
В этот миг как поветрие
Появился поэт.

Осторожно прислушался
И к стране, и к струне
И, приблизившись к ужасу,
Вынул свой инструмент.

МЮНХЕНСКОЕ

Я живу под бедлам, под поэму.
Масса музыки, много возни.
Снятся сны на любовную тему,
И мечтаю на тему весны.

А вокруг тополя как гвардейцы,
За патроном — патрон и патруль.
Настроению некуда деться
И оно приютилось у струн.

Без конца продолжается Мюнхен —
Город кисти, пера и ди-пи,
Где иллюзии мрут словно мухи,
И предсмертный совет их: «Терпи!»

Где в чаду падшей веры и версий
Вымирают талант и шедевр,
Умирают с надрывом Морфесси
И надрыв: «. . . не гони лошадей!»

Где встречаются струны и страны,
Где расходятся все языки,
Где порядков сугубо астральных
Не выдерживают русаки;

И кляня все на свете стихами,
Пьют под рифму, под песню дурят;
И снарядами рвутся стаканы,
И бесчинствует денатурат.

И все тайны, и души все настежь.
Ни барьеров, ни прав, ни кулис.
Лишь обрывки каких-то династий
Да отрывки ненастий и лиц.

МЕМУАРЫ

Итак, я еду в мемуары.
Какая чудная страна!
Проедешь время самоваров —
Навстречу мчится старина.

Навстречу мчатся тройки, кони,
И, несмотря на бубенцы,
В минувшем веке так спокойно,
Что отдыхают все концы.

И не теряя ни минуты,
Минуя массу мелочей,
Я еду в отпуск в век минувший,
В эпоху ласковых свечей.

В минувшем веке еще рано.
Россия спит на трех китах.
Сейчас проснутся ветераны,
Богатыри, орлы . . . Итак,

Я где-то в прошлом. Время быстро
Летит вдоль памятных времен.
Жуковский, Пушкин, декабристы —
Эпоха, полная имен.

Царит в умах Европы Байрон,
В сердцах погас Наполеон.
Властитель лени, русский барин
В мечты о братстве погружен.

Послушайте, какие речи
Произносил минувший век!
Какие планы брал на плечи
Себе минувший человек!

Подумайте, какие вкусы
Царили у минувших дам!
Блеснет гусар проезжим усом —
И сердце дамы — пополам.

Мазурки легкое порханье,
Но мысли дерзостный скачок
Встряхнет артель, аршин, Архангельск...
Россия чувствует толчок.

Уже навстречу мчатся тучи.
В Европе, дряхлой и больной,
Подули ветры конституций
И ветры вольности шальной.

Я слышу колокол минувший
И обещавший много звон,
Звон все надежды обманувший —
Как много дум наводит он!

УТРО В ЕВРОПЕ

Пока не вышло солнце из шатра,
Рассвет ходил раз десять на охоту,
Сражаясь с тьмой до самого утра
Подобно рыцарю, подобно Дон-Кихоту.

И град с тюремной башней впереди,
Едва прикрытый дымкою зеленой,
С могильными крестами на груди
Навстречу солнцу повалил с поклоном.

О светлый час! Час встречи красных крыш
И всех крестов в чужом престольном граде!
Встают развалины, трепещет царство крыс.
Дорогу дню! Будильники играйте!

Я вылезаю с грохотом на свет.
Мой старый плащ наделал много шуму.
И мой, границ не знающий берет
Привлек внимание бродяг и толстосумов.

Слов нет, мой всеобъемлющий костюм
Готов на всё: пришпорить разговоры,
Спугнуть вопрос, испортить почерк дум
И вызвать трепет у собачьей своры.

Я ускоряю свой неровный шаг,
Я моментально растворяюсь в шляпах,
Вторгаюсь в шум толпы и колымаг,
Вливаюсь в улицу, в цвета ее и в запах.

Я улыбаюсь чистым небесам,
Навстречу дню стремиться каждый мускул,
Даю дорогу личностям и псам,
И солнце хочет взять меня на мушку.

Проходят мимо дамы, господа —
Мосье, мадам — проходят европейцы:
С козлиною бородкою педант
И с бледнолицым господином пейсы.

Проснулся ветер. Выспались сады.
И несмотря на то, что еще рано,
Уже слетев с изящной высоты,
Пружинят линии готического храма.

Спешит на биржу трудовой народ,
Шатаются трудящиеся массы,
И безработный флаг рубашку рвет
На здании трудящейся сберкассы.

Один лишь лев скучает у ворот,
Сто лет на мир сей смотрит хладнокровно.
Я узнаю в нем захудалый род,
Больное дерево иссохшей родословной.

Он равнодушен к топоту копыт,
Он не завидует ни фюреру, ни танку,
Не ест, не пьет и, кажется, не спит
И напирает больше на осанку.

На полицейского, что ходит возле муз,
Ложится горько тень от Аполлона.
Из бронзы вылитый великий муж
Законом дня объявлен вне закона.

Растут развалины. Цветет вокруг толпа.
Богема кормится идеями Платона.
Питаясь воздухом, запуганный тюльпан
По-католически сложил ладони.

Вот бронза петушится на коне.
Фонтан как рожь изволит колоситься.
Без головы, на резвом скакуне,
Зовет вперед железная десница.

А там, куда вся улица идет,
Таща с собой ближайшие кварталы,
Из бронзы вылитый какой-то патриот
Со всей империей свалился с пьедестала.

Там открывался триумфальный вид
На улицу такую — просто диво!
Но этот бронзовый и падший инвалид
Испортил все: и вид, и перспективу.

Однако где-то забивают гвоздь,
И в булку вкладывает душу пекарь.
Уже струится очереди хвост,
И в колею уже вошла аптека.

Струится день, кружится дребедень.
И плач детей, и слезы как ромашки.
На крыши словно стая лебедей
Слетелись все кальсоны и рубашки.

Они брыкаются, лягают небосклон,
Их держат на веревке как скотину.
На площадь шумную со всех сторон
Слетелись дружно хищные картины.

Столпились колокольни. Купола
Набросились на город беззащитный,
И кто-то вдруг взнуздал колокола,
Взяв под узцы их рокот монолитный

РАССКАЗ О ГОРОДЕ,
ТЕПЛОМ МЕСТЕ И ДРУГИХ ВЕЩАХ

Пусть среди городов ты не в первом ряду,
Пусть молчит о тебе летописец наш Нестор,
Ты в истории нашей в таком-то году
Занял рядом с Владимиром теплое место.

От тебя часов десять — не меньше — езды
До ближайшего в этой округе селенья.
Но зато, когда нужно, от первой звезды
Свет идет до тебя лишь прямым сообщеньем.

Ничего, что стоишь ты один как бобыль,
Что тебя омывает простор бесконечный.
Ты пускаешь в глаза чудакам своим пыль
И втираешь очки всем проезжим и встречным.

У тебя и отцы, и все данные есть,
И ты мог бы, пожалуй, без лишних усилий
Деревушке-старушке на голову сесть,
Развернуться во всю и настроить Бастилий.

Ты не Китеж и, может быть, даже не град.
Ты ни тот, ни другой и, конечно, ни третий.
Чепухи, что всегда о тебе говорят,
Накопилось немало за восемь столетий.

Набралось ерунды, и, как водится, с ней
Породнились дома, поколенья. Слободки
Как селедки навечно сплотились тесней
И живут в двух шагах от тюрьмы и от водки.

В трех шагах от селедки старинный собор
На ногах до сих пор еще держится крепко,
И за купол его с незапамятных пор
Ухватилося небо как дедка за репку.

Ты по-прежнему спишь как убитый средь глав,
Среди луковиц всех положив на лопатки.
Ты по-своему, может быть, даже и прав,
Положив на подушки свои недостатки.

По проспектам твоим путешествует грязь,
Ночи с млечным путем, как всегда, непролазны.
Чуть стемнеет — уже нарушается связь,
Как-то: чистого с чистым и грязного с грязным.

Даже весны твои тяжелы на подъем.
А зима — та всегда так легка на помине.
В ноябре, в первых числах, она в голубом
И вся в белом уже во второй половине.

А мороз, а мороз! Как возьмет в переплет,
Не считаясь, кто правый и кто виноватый.
И представьте себе: привыкает народ
И под шубой овчинной и даже под ватой.

Но зато, когда в иней нарядится сад,
Когда места живого в нем нет от узора,
Нет восторгам конца, рады все: стар и млад,
Пожилые и те, кому стукнуло сорок.

А твой быт! А твой сон! А твои главари!
Как бы ветер ни выл, как бы ворон ни каркал —
У твоих пирогов неземной колорит,
Живописны и грозны как Альпы кухарки.

А когда раздождится, приляжешь и спишь.
Что прикажете делать в такую погоду?
С боку на бок во сне перевалится тишь,
Благодать же возьмет и бултыхнется в воду.

КАРТИНЫ
МУЖСКОГО И ЖЕНСКОГО РОДА

1

Сложив как салфетки
    Отвислые уши,
Блаженствуют свиньи
    В воде и на суше.

Лежат возле лужи
    Как будто на пляже,
Испортив все краски
    На нашем пейзаже.

Ну что же поделаешь!
    В нашей сторонке
Пейзаж не похвалится
    Выделкой тонкой.

Хоть краски у нас
    Положительно мирны,
Пейзаж у нас в целом,
    Как правило, жирный.

Посмотришь направо,
    Посмотришь налево —
Береза у нас —
    Орлеанская дева.

(Пусть вас не пугает
    Такое сравненье,
Сейчас мы посмотрим
    В другом направленьи.)

Направишь ли взор свой
    Случайно к забору —
Там три петуха
    Словно три мушкетера.

А если посмотришь
    Куда-нибудь мимо —
Там три петуха
    Словно три херувима.

А как на вас действует
    Этот обычай:
Со старым котом
    Все хозяйство мурлычет.

Цыпленок откуда-то
    С радостью вырос —
Чуть ниже травы
    И чуть тише зефира.

Хозяйка смеется,
    И смех даже курам:
Цыпленок родился
    На свет с маникюром.

Ужасные краски
    Повадились нынче!
Ну что бы сказал
    Леонардо да Винчи?

2

А, впрочем, нам тоже
    Рассеяться надо.
Давайте займемся
    Сейчас променадом.

Итак, вы готовы?
    Давайте мне руку.
Дорога ведет нас
    К моркови и луку.

Туда, где классическим
    Мраморным бюстом
На лаврах уже
    Почивает капуста.

Скажите на милость,
    Ну разве не слепок!
А чем занимается
    В сущности репа?

Вопрос щекотливый,
    Конечно, но все же . . .
Вот дыни растут,
    Соревнуются лежа.

А правило нашей
    Моркови простое —
Расти и краснеть
    По возможности стоя.

Но хмель — тот без правил.
    Не зная приличий,
Во всю распоясался.
    Странный обычай:

Он снял с себя пояс,
Затем портупею
И петлю соседу
Накинул на шею.

В одном уголке лишь,
В одном только месте —
Посмотришь — и сколько же
Тут происшествий!

С холодным оружием,
В полных доспехах
Жук в ухо растению
С грохотом въехал.

Растение смотрит
Как агнец невинно —
Жук вынул крыло
Словно нож перочинный.

Растение гнется,
Усы его гнутся,
А жук точно взломщик
Несет плоскогубцы.

Теперь по тропинке,
    В наш век позабытой,
Направимся в сад мы
    С ответным визитом.

Поклонимся низко,
    Завяжем знакомство
Хотя бы вот с яблоней,
    Ждущей потомства.

Мы с яблоней были
    Знакомы заочно.
Такое знакомство,
    Конечно, непрочно.

Посмотришь на яблоню
    Спереди, с боку —
Подставило яблоко
    Левую щеку

Веселому солнцу —
    Горячему старцу.
А солнышко, что ему —
    Радо стараться . . .

А розы, а розы!
  Опять душегубки
С чего-то надули
  Пунцовые губки.

А как вам понравится
  Эта картина:
Концов на ней нет,
  Лишь одна середина.

И в той середине
  Полоски, отрезки,
Плакучие ивы,
  В слезах перелески.

В горошинку платья,
  Просторы же вслезку,
И в крапинках бедность,
  И горе в полоску.

И машет крылом
  Синеглазая птица,
И местность срывается
  С места и мчится.

Окрестности скачут,
　　На мягких ухабах
Трясутся и версты,
　　И дрожки, и бабы.

Как Терек, рыча
　　И ломая преграды,
Течет по оврагу
　　Рогатое стадо.

Разулся лопух
　　На широкой полянке
И сушит на солнце,
　　Как видно, портянки.

Его окружили
　　Со всех сторон травы,
Обычаи дедов
　　И новые нравы.

Налево картины,
　　Направо пейзажи.
Пейзаж на чеку,
　　А картины на страже.

Готовятся к делу
Сады, огороды,
Картины мужского
И женского рода.

Картины для сердца,
Пейзажи для глаза.
Посмотришь один раз,
Посмотришь два раза.

Посмотришь еще раз,
И этого мало!
Тогда начинаешь
Смотреть все сначала.

PRO DOMO MEA

Я хожу спокойно, чинно,
Расширяю кругозор.
У деревьев очень длинный
И интимный разговор.

У меня же, как известно,
Речь пряма и коротка.
У меня — сказать вам честно? —
Очень легкая рука.

Да и сам я очень легкий —
Легче всех своих коллег:
Невысокий, недалекий
И всем близкий человек.

Я скажу вам откровенно,
Я ни капли не солгу:
Спас я жизнь стихотворенью
И у всех теперь в долгу.

Задолжал я всем коровам
За бифштекс и молоко:
На общественной сто́ловой
Не уедешь далеко.

Я единый, неделимый.
Слышу: — Браво! Вы правы́!
И, конечно, здешний климат
Без труда ко мне привык.

У кого-то на примете,
У кого-то на счету
Я цвету́ без комплимента
Широко и за черту . . .

Я поклонник Эпикура,
Я на время не смотрю.
Моя то́нкая фигура
Вьется, гнется на ветру.

Прихожу я как-то в гости.
Незнакомый, странный круг.
В том кругу гуляют тосты,
В центре тостов — сам супруг.

Представляюсь — очень точно:
Я такой-то, я, мол, тот,
Кто без линии, без почвы
Политически растет.

И, конечно, как обычно,
Налетел на комплимент:
— Ну и тип! Вот закадычный
И свой в доску элемент.

И опять брожу невинно,
Расширяю кругозор.
У деревьев очень длинный,
Слишком крупный разговор.

У меня же все иначе.
Никому я не чета.
Это все же что-то значит!
Иль не значит ни черта?

Поселился в старом сити.
Раз приходит егоза.
Говорит мне: — Подпишитесь
На зеленые глаза!

Не глаза, а просто очи!
Если смотрят — так блестят!
Говорит мне, между прочим:
— Может быть, вы холостяк?

Затрудняюсь: что ответить?
Иногда слова не льнут,
Наше завтра без отверстий —
Невозможно заглянуть.

Подружились — очень близко.
Завязался аппетит.
Но ведь дружба как подписка:
Подружился — заплати!

Я не помню: расплатился
Или снова в сумму влез.
Егоза как грампластинка
Совершает новый рейс.

Небеса же — просто чудо!
Без ума с ума сойдешь.
Жду, когда на парашютах
Опускаться будет дождь.

Познакомился я с Валей.
Очень даже недурна.
И подумал я: едва ли
Будет век она верна.

Ищем мы уединенья,
Чтоб побыть наедине.
Мимолетное виденье
Привязалось вдруг ко мне.

Походили мы по саду,
Я решил: я фаворит.
В этот миг моя наяда,
Моя краля говорит,

Говорит мне эта дура,
Не боясь повысить тон:
— У вас целая натура,
Но характер поврежден.

Говорю ей: — Мой характер
Не похож на карандаш
И, конечно же, не трактор,
И в починку не отдашь.

Рассуждаю деликатно
И мечтаю наперед:
Может быть, она обратно
Точку зрения возьмет.

Говорит мне: — До свиданья.
Отвечаю ей: — Пока.
Эх, небесное созданье
На высоких каблуках.

Я поклонник Эпикура.
Я на это не смотрю.
Моя тонкая фигура
Снова вьется на ветру.

Поступил я на работу.
Попадаю в сторожа.
Ни продукции, ни пота —
Лишь стихи без тиража.

Не карьера, а карета.
Я сажусь и на посту
Жду погоды и корректно
Политически расту.

Может быть, я прозябаю?
Ни рабочий, ни мужик.
Но держу я за зубами
Русский мощный наш язык.

Как поклонник перекура
Я и гасну, и цвету.
Моя тонкая фигура
Словно спичка на ветру.

НЕ СКУЧНО, НО ГРУСТНО

Мы, по правде сказать, не скучаем,
И не спит окружающий мир.
Стоит нам размечтаться за чаем —
Закипит, забушует Алжир.

Стоит нам задремать у камина,
Как немедленно Ближний Восток —
Или весь иль одна половина —
Из ножон вынимает клинок.

Успокой нас скорее, Всевышний!
Где застряла так долго весна?
Где же Куба, что из дому вышла
И обратно уже не вошла...

И пока продолжаются пренья,
В свои руки берет все зима
И, рассеявши все подозренья,
Всей страной управляет сама.

И приняв во внимание это
И другое, не лучше ли тут
Подойти нам вплотную к предмету,
Выбрав новый и верный маршрут.

Взять хотя бы проблему Алжира
Или тему любви, например.
Темы бесятся ныне от жира,
А проблемы — те с места в карьер . . .

Взять хотя бы вот Марью Петровну
И ее окружающий свет.
Все проблемы ее поголовно
Упираются нежно в корсет.

И попавши в ее окруженье
И в ее заколдованный круг,
Ищут выхода из положенья
Юбки, кофточки, жир и супруг.

А проблемы прекрасного пола!
А дилеммы мужей и мужчин!
С ними связан наследник престола,
А престол с целым рядом причин.

И, пожалуй, на данном этапе
Согласиться мы все же должны:
Наше дело могло быть и в шляпе,
И престол — у великой княжны.

И припомнил я ночи в Коломне
И медвежьи углы при луне,
Красно-солнышко в каменоломнях
И свет-батюшку на целине.

И о чем бы ни шли разговоры,
Стоит нам в них дойти до царя —
За границей сияет аврора,
А в отечестве гаснет заря.

ТВОРЧЕСТВО

Я шел пешком. Моя душа летела.
С горы спускался непорочный мрак.
Мрак вырастал в огромнейшую тему
И воплощался сразу в черный флаг.

Я как приток впадал в большую реку
Событий, мчавшихся всегда вперед.
Мой стих шагал размашисто как рекрут
И собирался сделать поворот.

У этих стен, у этих щуплых окон,
Держа себя пока в одной руке,
Как будто по тропинке одинокой
Я проходил раз двадцать по строке.

Я рассуждал: окончится похмелье,
А дальше что? Что кончится потом?
Зима займется лишний раз метелью
И лишний раз состарится постом.

Я подводил какие-то итоги,
В итогах путался шурум-бурум.
И рифмы поднимались по тревоге
И поднимали необъятный шум.

Я спрашивал, искал в себе ответа.
Я на пути не встретил никого.
Тропинку чуть покачивало ветром.
Но тишина хранила статус-кво.

ФЛАГИ

К огромному сердцу идут и идут поезда.
И два полушария дружно шумят на вокзале.
Зачем география, выпорхнув вновь из гнезда,
Летит без разбора по всем мировым магистралям?

И грозные флаги, нарядным и пестрым гуртом,
На вече пришли, обнажив свои звезды как шпаги.
Один обнажил угрожающе молот с серпом,
Другой — полумесяц, как знак азиатской отваги.

А этот все солнце в защиту свою обнажил.
Сосед его небо свое развернул очень ловко
И к небу пока осторожно, с оглядкой пришил
Не молот, не месяц, а тихую божью коровку.

И вот разгорелся у флагов неистовый спор.
Бряцают крестом, полумесяцем. Дикие сцены!
А рядом шумит геометрии каменный бор,
Гудят и трещат горизонта зубчатые стены.

Трясется земля под копытами всех эстакад,
Дрожит от волненья подавленный лепет природы,
И город, предчувствуя скорый громоздкий закат,
Свалил как горшки свои башни в зеркальные воды.

И бронзовый всадник, заехав нечаянно в сквер,
Где шапками всех закидали могучие клены,
С железным вниманьем глядит, как вблизи
инженер
На плечи Геракла кладет небосвод из бетона.

Но близятся сумерки. Чахнет болезненный день,
Цепляясь за крышу попавшего под руки зданья.
Ему даже в окна взглянуть на прощание лень:
Одною ногой он вступил уже в область преданья.

А флаги шумят, развели на весь мир канитель,
И в дальние царства подул от них ветер булатный.
И черное небо спеша заезжает в отель
И два этажа для себя занимает бесплатно.

И звезды на юг улетают с насиженных мест.
И кто-то похерил прожектором часть небосвода.
И робкой походкой, минуя парадный подъезд,
На небо луна поднимается с черного входа.

РУКОЙ НЕБРЕЖНОЙ

1

Не люблю элегантных
И прилизанных роз.
Лучше блажь, хулиганство
Незабудок и гроз;

Ликование тучи —
Высоты грозовой,
Быстрый ливень, цветущий
Над моей головой!

Снова в верности клясться
Под дождем этажей?
Пусть уж — рукоприкладство
Беспощадных дождей!

Пусть уж мучится слово
От высоких вестей,

От сирени лиловой —
От цветущих гроздей!

У сирени небесной
Снова съезд облаков;
Встреча боли и блеска
У ее бедняков.

Как мне нравится близкий
Ропот дальних зарниц
И в зарницах излишки
Чуть знакомых мне лиц;

Облаков эшелоны;
Волны словно шатры;
И салоны, салоны
Синевы, высоты . . .

2

Ты простишь мне как шалость
Поэтический шум.

В нем душа расписалась
Под экзотику дум.

Никогда не забуду
Нежный выстрел зари,
Как прощались под утро
Тех огней пузыри.

Город только в набросках,
Но как ярко зовет.
Уже слышится роскошь
Моих близких забот.

Намечаются очи.
В перспективе — темно.
Нанимаются ночи
Занавесить окно.

Принимаются ветры
На работу в саду,
Приглашаются ветви
В тишину, в красоту . . .

Мне рисуются дали
И вокзальный хаос.

И прощално-вокзальный
Стук сердец и колес;

И слова как рисунки;
И от глаз синий след;
И сердца как ресурсы
Наших «да», наших «нет».

. . . Я брожу по туманам.
Мои дни — воробьи.
Мои дни без кармана
И летят как рубли.

Быстрый запах бензина
Рвется к двери, к окну.
Я боюсь, апельсины
На тоску натолкнут.

Я боюсь отвлекаться,
Я боюсь телеграмм,
И боится лекарство
Моих ревностных ран.

3

Снова август ворвался.
Дождь то шарит, то шьет.
Лица светят авансом,
Я терплю за свой счет.

Я бегу от консервных,
От старинных причин,
И погода на нервах
Ежедневно бренчит.

Я терплю как на ленте.
Не мелькать я не прочь.
Горизонт мой на рейде,
И на якоре ночь.

И эфир словно тетка;
И на волнах базар.
Я терплю очень тонко
И живу как пожар.

Но мелькать я не прочь.
Грязной дружбы, мой друг.
Но я — сердцевладелец
И хозяин двух рук.

Пусть уж думы как реки
И дымок из руки . . .
И грехи как орехи,
И стихи как грехи.

СОДЕРЖАНИЕ

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
52	7-я сн.	Не мелькать	Но мелькать
53	1-я св.	Но мелькать я не прочь.	Не замешан я в деле.